

НАЧАЛО МИФА В ТОПОСЕ: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ни одно ясное и последовательное размышление не может быть отделено от собственного контекста. В настоящей работе предмет нашего рассмотрения – миф, каким он становится в размышлении о нем, а также попытка указать на то, что такое размышление будет топологическим. Философ, по мысли А. М. Пятигорского, философствуя о мифе, не делает из него философии [1]. Для философа философия – это тот способ, каким он рефлексивизирует над собственным мышлением, мыслящим о мифе.

Интересно, что в «Мифологических размышлениях» А. М. Пятигорский, не подчеркивая этого, но в действительности говоря о сущности мифа, не называет ее, например, слово, сказание, рассказ о внеисторическом времени, сакральное повествование и многие другие принятые коннотации – все это для него вторично по отношению к называнию сущности мифа. Первичным выступает способ отношения к нему – сравнительный – значит, миф есть не в каком-то из своих многочисленных определений, или на границе между ними, но в собственно интерпретации его. То есть миф – не определенное содержание, но определенным образом происходящая интерпретация его. В такой точке зрения на миф и заключается феноменологический момент размышления о нем. При этом миф все же не заключается единственно в интерпретации и истолковании, герменевтике текста, но в определенном одном ему свойственном образе этого истолкования. И сам рассказ, как миф, не может быть безличным, единственно верным, потому, он уже предполагает определенную интерпретацию.

Очень часто и уверенно в различных средах, в том числе и философский, говорится о мифе, точнее он, как ярлык, приписывается тому, или иному явлению, событию, процессу, некоторой системе, мнению. Казалось бы, нет ничего проще, как назвать кажущуюся нам выдуманной, излишне измышленной, не имеющей в себе достаточно реальности вещь мифом, неким не до конца осмысленным, но принятым на веру, активно распространяющимся рассказом (во множестве его форм). Действительно, так и кажется на первый взгляд, однако это всего лишь слово, приобретенное в нашей с вами действительности именно такой оттенок значения под давлением восприятий и измышлений многочисленных культурных, социальных, технически-инновационных и многих других вот уже много веков деятельно движущихся процессов. Тем не менее, нас с вами, как философов интересует не сиюминутное, удобное значение слова, но его сущность, основание, в нас живет стремление к познанию его истинного смысла, насколько возможно его предельно постичь и выразить.

Невозможно, как мы указали в самом начале статьи, измышлять предмет вне его собственного контекста, а мы этот контекст покамест не задали. Коль скоро говорится о начале мы и будем вести наше философское размышление о начале мифа, поскольку именно в нем содержатся основания его сущности, а конкретнее – о пространственном начале мифа, или о топосе мифа. Этим своим размышлением мы поставим основной вопрос мифа как собственного топоса и наметим пространство для дальнейшей работы.

Ни одно размышление в принципе не чуждо своему топосу, то есть тому количественно, и в особенности качественно определенному пространству, горизонту, обуславливающему его возникновение. В этом отношении важно различить метрическое и топическое в характеристиках пространства. Топологическое пространство, множество, состоящее из элементов любой природы, в котором тем или иным способом определены предельные соотношения. Метрическое пространство, множество объектов (точек), на котором введена метрика (то есть свойства четырёхмерного пространства-времени, объединяющего физическое трёхмерное пространство и время). Метрическое восприятие пространства характерно для так называемой научной рациональности, того распространенного Новым Временем представления о пространстве, которое большинство из нас получило еще в школе – с точки зрения измеримости, математически. Топика в восприятии пространства – наделяет его силой, значимостью, изучает его качественные свойства.

О мифе удобно говорить с точки зрения конкретных дисциплин, так, как будто уже известно, что такое миф как таковой. Сложно, болезненно говорить о самом мифе, его природе и сущности, о том, почему миф является мифом. По аналогии можно отождествить первый способ исследования с метрическим (количественным, «сколько?»), который как раз характерен для научного или исторического исследования, когда в центр ставится описание фактов, разметка пространства, его определенность согласно составным элементам, измеренным стандартными процедурами. По той же аналогии топический способ говорения (качественное, «какое?»), в противоположность метрическому, раскрывает интимное, свое, близкое, поднимается над всяким простым фактом, а в случае с мифологией – над «существованием мифологии», и ставит вопрос о природе, о сущности мифологии.

Мифологическое сознание не знало, не знает и не может знать тела без соответствующего ему места. В некотором смысле возможно место без тела, но тело без места невозможно. Тот способ, каким место при помощи напряженности силы вы-, об- и составляет пространство, раскрывает бытие мира мифа. Миф не апеллирует к трансцендентным понятиям, наделенным большой обобщающей способностью. Миф пользуется для своих описаний словами и понятиями самыми близкими к нам, непосредственно относящимися к расположению вещей в пространстве, исходя из занимаемого ими места. Сакральное и священное в ритуалах мифа может быть только реальным, вещественным. Высшим значением возможно наделить только ту вещь, с которой мы имеем дело, материальный предмет, который мы понимаем. Вообще, понять – значит поместить понимаемое нечто в свой жизненный мир, в то место и пространство, которые случились с нами здесь и теперь. Здесь и проявляется качественная характеристика мифа, его определенность с точки зрения непрерывности. Место «делает» сущее, задает силовые линии, энергию и динамику. Это место и это пространство по природе свойственно мифу. Вспомним ситуацию из «Федра» Платона, где Сократ и Федр, прогуливаясь вдоль берега реки, размышляют, не послужило ли одно из мест прибрежных пространством для разворачивания одного из мифических сюжетов, связанных с кражей Орифии Бореем [2, с. 373]. «Миф – глубоко локален. Он детально распределен по ландшафту и прочно связан с мелочами домашней обыденной жизни» [3, с. 98].

Миф, – открывая путь к другому порядку, хотя и находящемуся в многообразных отношениях с обычным порядком вещей, с человеческим существованием, но, в то же время,

сущностно обособленному от него, – в сущностном отношении не совпадает с тем, что говорит о мире. В этом и заключается неизбывный интерес к исследованию явления и действительности настоящей проблемы. Истина мифа, если можно о ней говорить, не в самих мифических сказаниях, героях и событиях с ними происходящих, что составляет содержание мифов; истина мифа в том, какое значение он имел и имеет (поскольку досужий вымысел то, что миф был отжит на первых стадиях развития человеческой культуры) для людей, для коллектива, который в нем живет. Если мы размышляем о мифе, мы должны размышлять о нем как о мифе-мире, где всякое мифическое сказание, слово – не вымысел, но жизнь, действительность, реальность, при том единственно возможная реальность, всякий выход из которой будет уже чем-то иным по отношению к ней.

Разговор о начале мифа, который в свою очередь сам есть начало попыток человека и человеческого коллектива определить свое место в мире, сам мир, который помимо их самих включает и некое порождающее начало, начало движения, разговор такой требует очень большой ответственности, внимательности и готовности к любого рода сложностям и неразрешимым препятствиям, разговор этот претенциозен. Тем не менее, невозможно не задаваться подобного рода вопросами, поскольку именно они поднимают нас к мысли, вечному движению размышления и понимания.

-
1. *Пятигорский, А. М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. – М.: Языки русской культуры, 1996
 2. *Платон.* Диалоги / Пер. с древнегреч. В. Н. Карпова. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
 3. *Ахутин, А. В.* Поворотные времена. – СПб.: Наука, 2005.